

Анна
Владимирова

(НЕ) МЕДВЕДЬ
ПО ОБМЕНУ

Анна Владимирова
(Не)медведь по обмену

«Автор»

2026

Владимирова А.

(Не)медведь по обмену / А. Владимирова — «Автор», 2026

Говорят, когда карьера идет в гору, личная жизнь рушится. Моя рухнула в который раз? В третий? Четвертый? Да, я не умею выбирать мужчин. И жизнь с ними строить — тоже. Как и моя мама. Она была замужем четыре раза. Что это, семейное проклятье?— Бесчувственная кукла ты, Аня! — кидает мне Данил вместе с кольцом на стол.— Ничего, что это ты мне изменил? — интересуюсь я меланхолично, потирая виски от усталости и тянусь к чашке кофе.— А что мне было делать?— Зарабатывать больше меня, к примеру? — усмехаюсь я. Утро выходило пикантным. Кажется, что у меня уже иммунитет к таким сценам. Мои мужчины традиционно обвиняют во всем меня, ведь это я — успешная карьеристка, у которой никогда нет ни на что времени. И вот это коронное три два— В твоём возрасте ты уже никого не найдешь под свои запросы! — бросает Данил и хлопает дверью.

Анна Владимирова

(Не)медведь по обмену

Говорят, когда карьера идет в гору, личная жизнь рушится. Моя рухнула... в который раз? В третий? Четвертый? Да, я не умею выбирать мужчин. И жизнь с ними строить — тоже. Как и моя мама. Она была замужем четыре раза. Что это, семейное проклятье?

— Бесчувственная кукла ты, Аня! — кидает мне Данил вместе с кольцом на стол.

— Ничего, что это ты мне изменил? — интересуюсь я меланхолично, потирая виски от усталости и тянусь к чашке кофе.

— А что мне было делать?

— Зарабатывать больше меня, к примеру? — усмехаюсь я.

Утро выходило пикантным. Кажется, что у меня уже иммунитет к таким сценам. Мои мужчины традиционно обвиняют во всем меня, ведь это я — успешная карьеристка, у которой никогда нет ни на что времени. И вот это коронное... три... два...

— В твоём возрасте ты уже никого не найдешь под свои запросы! — бросает Данил и хлопает дверью.

Я глубоко вздыхаю, прикрываю глаза... и опускаю взгляд на входящее смс:

«Аня, ваша мама скончалась. Свяжитесь со мной как можно быстрее. Виктор»

— Здравствуйте, я Акира... — осторожно говорю я, оглядываясь в вольере, в который притащили контейнер. — А можно мне имотки, пиццу и... в туалет очень хочется.

Я проехал полмира, чтобы оказаться в каком-то богом забытом захолустье ради того, чтобы найти брата. Но что-то пошло не так. Никто меня не встречает. Никто приличный. Стоит какой-то амбал, пялится хмуро и молчит. И на лице у него написано, что я куда-то влип...

Пролог

— Анна Викторовна, проходите...

Я съезжилась и оглядела забор. Высокий, занесенный снегом на треть, он скрывал мое наследство. От стоянки к нему вела расчищенная в снегу дорожка, а у входа меня ждал управляющий всем этим хозяйством. Первым в ворота шагнул мой адвокат и хороший друг Борис, я — за ним.

— Территория тут большая, — обвел рукой заснеженное пространство управляющий — молодой мужчина высокого роста.

Несмотря на холод он был одет довольно легко — джинсы, футболка и куртка нараспашку. И вообще был похож на какую-то рок звезду — на руках и шее — татуировки, темные волосы до плеч и тяжелый металлический браслет на правой руке, привлекающий внимание своим блеском на солнце.

— Меня зовут Виктор, — протянул он руку Борису. — Желаете осмотреть все сразу или пройдем в дом?

Территория взгляду предстала действительно не маленькая. Сразу за воротами начиналась аллея с елками по обеим сторонам, а за ними виднелась крыша дома. Дорожки расчищены, по краям — фонарики.

— Впечатляет, — выдохнула я.

— Это вы еще ничего не видели, — с воодушевлением отозвался Виктор, улыбаясь. — Давайте тогда пройдем в дом и выпьем чаю?

Он помог мне сесть в небольшую машинку, похожую на те, в которых разъезжают по полям для гольфа. Рядом втиснулся Борис.

— Животных тут много на реабилитации... — продолжил Виктор, — а по выходным у нас дни открытых дверей. Много людей приезжает, с детьми... Проблема брошенных диких животных откликается многим...

Я безучастно скользила взглядом по пространству.

— А сегодня, представляете, — оживился Виктор, — бинтуронга нам привезли, да еще и альбиноса! Ни у кого такого нет в России. Здоровый такой...

— Кого? — переспросила я.

— Бинтуронг. Не знаете такого зверя?

Мы с Борисом покачали отрицательно головами.

— Ну, это как кошка, медведь и лемур в одном. Прикольный такой зверек. Очень дружелюбный и необычный...

— А что с ним?

— Ничего. Его по обмену привезли. Из Японии. Мы им бурого медведя отправили, а они нам — этого...

— А какой смысл?

— Это программа по изучению адаптации видов к меняющимся климатическим условиям. — Виктор старался не замечать того, насколько я стараюсь игнорировать происходящее. — Ваша мама вела эти исследования.

— А... — протянула я. — Так мамы нет уже. Придется отправлять назад?

— Пока не знаю, — пожал он плечами. — Но команда надеется, что исследования продолжатся. Просто... на это все нужно время, чтобы решить, как быть дальше...

Мда, манипулировать Виктор умел плохо. И это обнадеживало. Пока мы говорили, показался сам дом. И все бы ничего — обычный добротный двухэтажный дом, построенный в современном стиле. Только к нему была пристроена огромная оранжерея, зелень в которой бросалась в глаза, как капля масляной краски на белом холсте.

— Ничего себе! — вырвалось у меня. — Оранжерея?

— Да, наша гордость, — довольно улыбнулся Виктор.

— И не мерзнет?

— Нет. Там все продумано.

А мама даже ни разу мне не сказала, что у нее тут все так продумано, что есть даже оранжерея...

Рост интереса к происходящему скрыть не удалось. Я питала страсть к таким вот оранжереям — с детства мама немало поводила меня по всем доступным не только в России, но и за границей. Боже, это же целый мир! А как я однажды потерялась в одной из самых крупных? Целое приключение...

— Покажете? — осторожно попросила я.

— А то!

Быть может, не стоит торопиться избавляться от наследия?

Нет, я же решила, что ничто не должно напоминать мне о маме.

Вот только взгляну на оранжерею...

— А еще мама вам завещала говорящего попугая, — вдруг с восторгом добавил Виктор. — Мечтали о говорящем попугая, Аня? Признайтесь?

Я уронила голову на руки.

Нет.

Нужно избавляться от всего как можно быстрее!

— Ничего не знаю, — упрямо возразил меланхоличный мужик, преградивший мне выход из вольера. Вернее, смартфон перевел все довольно дружелюбно, но с физиономией мужика это дружелюбие никак не вязалось. — По документам вы принадлежите компании «Ковчег».

Не верилось, что этот тип и правда решил меня не выпустить. Но, если я начну тут сразу с драки, меня депортируют без разбирательств. И карьере конец.

— Послушайте, — заговорил я в его смартфон медленно, чтобы программа не перевела ему что-нибудь не так, — я — Акира Такахаси, нахожусь здесь по делу в рамках международного расследования. Вот мои документы. — И я в который раз показал местному недоумку свой паспорт и жетон. Это все, что мне удалось взять с собой в контейнер для перевозки. — Мне нужно поговорить с главным. Ее зовут... — Я вытащил визитку и прочитал на английском. — Ира-ида Сама-лова.

— Ираида Самойлова, — поправил меня педантично мужик.

— Вот.

— К сожалению, она скончалась на той неделе.

Я нахмурился.

— Соболезную, — растерянно выдохнул, — но, ... кто-то же должен был занять ее место?

— Допустим.

— Отлично! — просиял я. И хмуро потребовал: — Позовите главного.

— Он сейчас занят. Когда освободится, я вас провожу.

Я фыркнул и отвернулся к вольеру, морщась от неприязни. Я пролетел полмира в транспортном контейнере ради того, чтобы попасть в Россию. Где-то здесь пропал мой брат. Он уехал на задание и перестал выходить на связь. Мое руководство планировало закрыть это дело. Агентов никто не вытаскивает, если они не являются источником важной информации. А я не мог его оставить. Мне нужно знать, что с ним случилось. И вернуть его домой, если он еще жив.

Только тут в коридоре послышались шаги...

— А вот тут у нас тот самый бинтуронг, о котором я вам говорил...

Я застыл голяком посреди тесного вольера на фоне того самого контейнера, в котором меня сюда и привезли. И кое-как прикрылся документами...

Глава 1

... как раз в тот момент, когда в проеме показались трое. Двое мужчин и женщина.

Что там случилось с лицами первых двух, я не видел. Мой взгляд застыл на лице женщины. И все как-то будто потеряло в резкости. Я словно в замедленной съемке видел, как она открывает глаза, потом приоткрывает рот... и отворачивается.

— Ой, простите! — пробасил тип в татуировках, который шел первым, и отгородил вход в вольер собой. — У нас тут... новенький. Видимо, собирался в душ, а я не предупредил, что зайду. Хотел вас удивить...

— Вы удивили, — усмехнулся мужик в возрасте.

Послышались удаляющиеся шаги, потом какой-то приглушенный разговор на повышенных тонах. Я ждал. Ну, а что было делать? В контейнере шмотку пихать было некуда, да и все же было согласовано. Я не ожидал, что мне придется тут что-то доказывать и позориться голяком, пока меня примут всерьез...

Прошла минута, и на пороге нарисовался уже знакомый мне верзила.

— На, — протянул он мне какой-то рабочий комбез.

— А сразу так нельзя было? — проворчал я по-японски.

Дождавшись, когда я оденусь, мужик поставил передо мной огромные резиновые сапоги и молча кивнул мне следовать за ним. Я уныло поплелся по светлому коридору на улицу, шаркая огромными сапогами. Вид взгляду за дверьми предстал откровенно безрадостный. Все занесено снегом по пояс, и только дорожки между зданиями расчищены. Хорошо, что я никого не оглушил тут — драпать было бы крайне неприятно даже в звере...

Тем временем, провожатый достал снова смартфон и включил переводчик.

— Сейчас в жилое здание тебя проведу. Голоден?

— Есть немного, — смущенно кивнул я, устыдившись последних мыслей.

Мы прошли в соседний трехэтажный дом, напоминавший небольшую гостиницу. За дверьми — общая раздевалка и тесный коридор, за углом — гостиная со столовой. Мужик прошел вглубь комнаты, дав мне знак располагаться.

— Как тебя звать? — спросил я на английском.

Он только недоуменно глянул на меня и помахал смартфоном. Понятно. Я вздохнул и направился к нему, повторив вопрос в аппарат.

— Михей, — ответил он.

— Очень приятно.

— Что будешь? Тут борщ есть. Котлеты...

Я попытался дать ему понять взглядом, что понятия не имею, что все это значит. Но, снова не найдя понимания на его лице, коротко кивнул:

— Все буду.

— Вот это по-нашему, — сдержанно улыбнулся он.

Здоровый какой он все же. В этой небольшой светлой комнате это особенно бросалось в глаза. Медведь, наверное, в ипостаси. Я отвернулся, осматриваясь. Атмосферно тут, конечно. С душой все. Чисто, дерево везде. Только деталей нет почти, кроме книжной полки, на которой стояла фотография в рамке. Я пригляделся. Какая-то женщина в обнимку с медведем. Она улыбается. На фоне — летний луг, цветы... Да, летом тут можно и порадоваться, видимо.

— Первое, второе и компот, — всучил мне поднос Михей. — Потом — все за собой убрать, посуду — в посудомойку сложить. — И он показал ее местоположение.

— Хорошо, — покладисто кивнул я. — А когда по моему вопросу кто-то придет?

— Виктор придет позже. Сказал, чтобы ты ждал тут.

Как же не хотелось тратить на все это время! Я отнес поднос на стол, кивнул на дружелюбное «располагайся» и посмотрел в окно. Где тут вообще цивилизация? Как далеко до города? На сколько хватало взгляда, я видел лишь здания и лес. Нет, я, конечно, доберусь до центра и сам, если вдруг до этого дойдет, но, опять же — это трата времени.

Тут послышался хлопок двери, а вскоре на пороге гостиной показался тот самый мужик, который отгораживал меня от девушки в момент моего позора. Смотрел он недружественно. Брови сдвинуты, взгляд тяжелый...

Видимо, все же придется оглушать...

— Акира Такахаси, значит, — заговорил он на английском.

Я немного воспрял:

— Так точно.

Мужик прошел к столу и протянул мне руку.

— Виктор.

Я настороженно ответил ему тем же, и он крепко пожал мне ладонь. Еще один оборотень. Оглушать в случае чего придется долго...

— Произошло недоразумение, — начал объяснять я с надеждой. — Я прибыл сюда инкогнито с расследованием. Меня должны были тут встретить, и вы...

— Акира, прости, что перебиваю, но все не совсем так, — вдруг вставил он, усаживаясь передо мной. — Ты присаживайся и поешь. Давно же не ел.

— Что не так? — напрягся я, медленно опускаясь на стул.

— Твоя миссия здесь никем не согласована. Тебя не отправляли сюда официально...

Я насутился и стиснул зубы, прикидывая, чем бы сподручным вырубить этого парламентаря, когда придется.

Похоже, все дороги меня сегодня ведут к правонарушению...

— Но Ираида обещала тебе, что примет тебя, да, — продолжил он. — Твоя история ее тронула, и ее решение для меня закон.

Я вздернул вопросительно бровь.

— К сожалению, Михей не был в курсе, а из-за всего случившегося я не успел увидаться с тобой заблаговременно. Я был уверен, что ты будешь ожидать в звериной ипостаси, — добавил он смущенно. — Видишь ли, эта гостья — Анна — она наследница Ираиды. И я хотел ее впечатлить...

— Я не хотел, но мне пришлось ее впечатлить, да, — хмуро вставил я.

Виктор удрученно вздохнул и досадливо потер лоб. Я терпеливо ждал кульминации.

— Теперь у нас следующая ситуация, — продолжил он осторожно. — Тебя видели человеком. И мне пришлось сказать, что ты тут работаешь. Это раз.

— Я не могу тут работать, мне нужно искать брата. Мы договаривались с Ираидой, что она поможет мне попасть в Россию.

— Я все понимаю, но вариантов нет. — И он прямолинейно на меня посмотрел.

— Что?

— Я объяснил, что ты... немного... как это сказать... душевно нездоровый и... любишь раздеваться после работы. А паспорт носишь, потому что боишься, что его украдут.

— Да как тебе угодно, — нахмурился я. — Говори, что хочешь, а я отправляюсь по своим делам...

— Второе — нам нужен бинтуронг, — огорошил он меня.

— Я — не животное для зоопарка, — возразил я, начиная терять терпение и надежду на мирное урегулирование недопонимания. — И не душевно нездоровый!

— Акира, я сочувствую, правда, — обозначил Виктор неочевидное, — но мне нужно спасти все, что было создано Ираидой здесь. Это — в приоритете. Нам нужен бинтуронг. Ты прибыл к нам по обмену. Так записано в документах. Анна сейчас будет заниматься инвентаризацией всего на свете, и я не смогу объяснить твоего исчезновения ей! Мне сейчас меньше всего нужны проблемы с документацией, понимаешь? У нас здесь много животных на реабилитации. Мы здесь работали годами. Ни нам, ни им некуда идти! Если ты не согласишься, это добавит мне больших проблем. — Видя, что я не выражаю никакого сочувствия или понимания на лице, он нахмурился и тяжело вздохнул. — Я настучу в международный комитет, и тебя депортируют.

— Так и бинтуронга у тебя не будет, — хмуро парировал я.

— Давай так, — ничуть не смутился он, — я отпускаю тебя временами по твоим делам, но ты обязуешься возвращаться. С нас — крыша над головой, правовая защита, еда, если ты нуждаешься... Может, какая другая помощь — связи, транспорт.

Я хмуро сопел, буравя взглядом собеседника.

— Слабо представляю себе, как я одновременно буду разыгрывать здесь душевно нездорового, бинтуронга и расследование проводить, — заговорил я раздраженно.

— А ты как сюда уехал? — заинтересовано подался он вперед. — Думал, тебя не хватятся?

— У меня отпуск, — нехотя ответил я.

— Ну, то есть, если кто-то узнает, что ты здесь, будут большие проблемы? А почему туристом не приехал?

— У меня запрет на выезд, — обреченно вздохнул я. — И неофициальный запрет на вмешательство в дело о пропаже брата.

Виктор хмыкнул.

— Соглашайся, — доброжелательно попросил он. — Это ведь выгодное сотрудничество. И хорошее дело — помочь нашему приюту. — Он немного помолчал, закрепляя слова проникновенным взглядом. — Я сейчас должен вернуться к наследнице и узнать, что она собирается делать дальше. А потом покажу тебе тут все. Что скажешь?

— Я подумаю, — отчеканил я.

— Ну вот и славно, — просиял он и поднялся. — Обедай. Вторая комната слева по коридору на втором этаже — твоя.

Он поднялся и направился из гостиной. А я подпер щеку кулаком, хмуро глядя ему вслед.

Блин, и как это развидеть?

Я пыталась сосредоточиться на документах, но перед глазами так и стояла картинка, как высокий голый парень прикрывает свое достоинство паспортом. Кстати сказать, безуспешно...

И какой парень!

Разве душевнобольные люди могут так выглядеть? Это же сколько денег и времени нужно, чтобы сделать такую внешность и тело? А волосы эти белоснежные? Такое окрашивание на изначально черных волосах стоит безумных денег...

— Аня? — позвал Борис.

— М? — вскинула я голову от документов.

— Я говорю, что нужно начать с инвентаризации всего имущества...

— Слушай, тебе не кажется странным тот парень с паспортом?

Борис степенно протер очки:

— Я повидал всякого, — пожал он плечами.

Борис Михалыч — мой друг, коллега и юрист по имущественным правам — за свою разнообразную практику действительно повидал всякого. Когда мы познакомились, он разбирался с каким-то фантастическим делом о наследстве в семье фокусников. Документы там и подписи с них исчезали, как тени в полдень.

— Здесь должны работать мужики, похожие на леших, — подалась я вперед, шепча, — укутанные в рабочую одежду, обутые в резиновые сапоги, на которых комьями налип навоз, и воняющие им же... А что тут делает этот корейский принц без трусов? Какая-то новая программа международного обмена?

И я хихикнула.

— Да казах он, скорее всего, а не корейский принц, — отмахнулся Борис.

— Весело тут у них, — покачала я головой и в который раз осмотрелась в маминем кабинете.

Нет, я и с первого раза его рассмотрела, но тут было слишком много мелких деталей, которые будто раскрывались с каждым взглядом. И я боялась, что какая-то очередная вдруг окажется про меня. Незаметное маленькое фото в рамке или мой детский рисунок, который мама вдруг сохранила между книг, и его кончик торчит из корешка. Но ничего такого я не находила среди всех этих полок и шкафов, заваленных книгами и вещами. И не могла понять — радует меня этот факт или нет... Нет, я боялась, что ничего не найду. И, похоже, так и будет...

— У вашей матери, помимо этого дома, есть земельный участок с постройками, где находится приют, — продолжал Борис, листая свои заметки. — И у нас возникают следующие проблемы. Во-первых, налоги. За прошлый год они оплачены, но текущий год на вас. Плюс коммунальные платежи. Это без учета расходов на содержание приюта. А это еще плюс корма, ветеринарное обслуживание, зарплата персоналу...

— У них же тут должен быть бухгалтер?

— Ваша мама занималась всем сама.

— Понятно, — закатила я глаза и в очередной раз прошла взглядом по кабинету. — Как она всё это содержала?

— Приют получал гранты. Есть два действующих — один от экологического фонда, второй — от региональной администрации. Плюс регулярные пожертвования. Ваша мать была известна своей работой... Тут у меня отчеты о множестве проведенных ей исследований.

— Борь, мне нужно от всего этого избавиться, — решительно заявила я.

Коллега бросил на меня быстрый взгляд:

— Даже несмотря на такого незаурядного работника с паспортом?

Я приснула:

— Думаешь, это замануха для меня?

— Ну, по крайней мере, это бы все объяснило.

— Ну почему казах?

— Кого нашли?

— Ладно. — И я откинулась на спинку кресла. — Так, что там за варианты?

— Первый — продать всё вместе: дом, землю и приют как действующий бизнес. Второй — разделить: продать недвижимость отдельно, а приют передать какому-нибудь фонду. Третий...

— Хочу продать всё вместе. Это будет быстрее?

Боря потер висок, морщась.

— Быстрее, возможно, — протянул, наконец, — но не выгоднее. Рыночная стоимость всего комплекса около тридцати восьми миллионов. Но найти покупателя, готового взять приют с животными, непросто.

— А что будет с персоналом?

— В штате двенадцать человек: ветеринар, зоотехник, смотрители, охрана. При продаже мы можем включить условие о сохранении рабочих мест, но это снизит привлекательность для покупателя.

— Понятно. Какие еще проблемы?

— Для содержания многих видов животных нужны специальные разрешения. У Ираиды Тимофеевны они были оформлены идеально, но при передаче новому владельцу потребуются переоформление.

— Это долго?

— Два-три месяца. Без них продать приют действующим практически невозможно.

— А если... закрыть приют? Раздать животных по другим приютам?

— Возможно, — протянул Боря задумчиво. — Но некоторые животные здесь проходят реабилитацию, другие — под наблюдением властей. Продать только недвижимость будет проще, но всё равно придется решать вопрос с животными.

Я уронила голову на руки и застонала. Ну вот зачем мне все это?

— Я могу предложить компромисс, — продолжал Борис. — Есть благотворительный фонд "Дикая природа", который давно сотрудничал с вашей матерью. Они могли бы взять на себя управление приютом, а вы продали бы им землю на льготных условиях или сдали в долгосрочную аренду.

— Что это даст?

— Вы сможете продать основной дом отдельно, получить налоговый вычет за благотворительность и избавиться от обязанностей по управлению приютом. При этом сохранится дело вашей матери.

Да, дело матери, конечно, сохранить хочется. То, что мы не ладили, не должно портить жизнь всем этим несчастным людям, животным и голому казаху.

Я неуместно усмехнулась, но тут же прокашлялась и потянулась к чашке чая, собираясь с мыслями:

— Тогда нам нужно начать с документов. Первый шаг — получить свидетельство о праве на наследство. Пока идет этот процесс, мы проведем аудит приюта и недвижимости, проверим все договоры, подготовим документы для возможной продажи. Также нужно будет решить вопрос с текущим финансированием приюта.

— Есть хорошая новость. На счетах имеется достаточный остаток, чтобы обеспечить три-четыре месяца полноценной работы приюта.

— Это отлично. А потом?

— К тому времени мы должны найти решение. Я предлагаю параллельно искать покупателя на весь комплекс, вести переговоры с фондом о передаче приюта, и подготовить почву для раздельной продажи — на случай, если первые два варианта не сработают.

— Окей. Только... давай постараемся ускорить процесс.

— Сделаю всё возможное. Но тебе всё равно придется участвовать. Нужно разобрать личные вещи, возможно, пообщаться с потенциальными покупателями...

— Я поняла. Мой отпуск накрывается медным тазом, — вздохнула я обреченно.

— Ну, почему же? Здесь прекрасная природа, очень атмосферно... Ты же хотела сменить обстановку.

Я только открыла рот, чтобы съязвить, но тут в кабинет постучали, и вернулся Виктор.

— Можно? — заглянул он. — Или мне попозже...

— Проходите, конечно, — смущенно улыбнулась я. — Все же... вы тут главный.

— Нет, главная тут — вы, — возразил он дипломатично, проходя к третьему креслу.

— Все нормально? — поинтересовался Борис Михайлович. — С работниками...

Я тихо усмехнулась.

— Да, — расплылся он в улыбке. — Акира у нас новенький. По-русски не говорит совсем, поэтому у нас и возникают... недопонимания. Что-то не то перевел ему переводчик, и он подумал, оказывается, что надо раздеться и ждать... С японского прям тяжело переводить, программы не понимают ни его, ни нас толком.

— То есть, он все таки не казах? — усмехнулась я.

— Нет, он... — Виктор прокашлялся. — По обмену приехал. Да и... нормальный он, как выяснилось. Наши и документы неправильно перевели. Эти... иероглифы. Просто договоренности все были с Ираидой Тимофеевной, а она-то свободно говорила по-японски. Акира даже не знал, что ее... что она...

Все смутились и немного трагично помолчали.

— Бедный парнишка, — заметила я. — Столько потрясений сразу. Он недавно приехал?

— Сегодня, — оживился Виктор. — Я поэтому и... не успел разобраться толком. Грубо говоря, прошляпил...

— Ну, если вы все тут так грубо выражаетесь, то Анна Викторовна останется в благоприятной атмосфере, — улыбнулся Борис Михайлович.

— О, вы решили остаться? — перевел на меня взгляд Виктор.

— Мы решили, что позаботимся о наследии наилучшим образом, — отозвался Борис Михайлович.

Но Виктор не дал себя сбить с толку:

— Для кого? — посерьезнел он.

— Виктор, для всех, — вставила я осторожно. — Я понимаю, что вам сейчас очень тяжело... Но перемены будут.

— Аня, они не обязательны, — подался он вперед, глядя на меня с надеждой. — Я могу управлять всем и дальше. Собственно, я этим и занимался. Ираида Тимофеевна вела научную деятельность... Да, мы не приносим особого дохода, но сами себя обеспечиваем...

— Виктор, — попытался обратить его внимание на себя Борис, но он продолжал ловить мой взгляд:

— Аня, здесь и правда сплелось очень много сложных судеб — человеческих и животных. Нельзя все это разрушить и продать...

— Никто не собирается это разрушать...

— Но всем интересна прибыль, — нахмурился он, откидываясь в кресле. — Что вы планируете?

— Продавать, — не стала я врать. — Но так, чтобы всех устроили условия. Нам важно, чтобы животные приюта перешли к компетентным управляющим. О персонале тоже будем договариваться отдельно...

Виктор вздохнул и нахмурился:

— Ясно.

— Виктор, мне жаль, — попыталась заверить его я. — Но... понимаете, гранты выдавали моей матери. Именно на них и существует приют. Без нее все медленно загниет, и мы все равно столкнемся с тем, что животных содержать будет некому и не на что. Нам важно подготовить и принять решение, которое спасет здесь всё и всех.

— Мы жили не только на гранты, — возразил он без энтузиазма. — Парк посещают люди. Да, это не большая доля, но мы и не развивали особо этот вид туризма здесь. А если сделать на этом акцент, поискать помощи у благотворительных организаций...

— Я не хочу ничего такого здесь развивать, — вырвалось у меня, и он осекся. — Простите.

— Не извиняйтесь, — смущенно ответил Виктор.

— Нет, мне правда жаль, и я буду стараться сделать так, чтобы всех устроил итог...

— Ладно. Посмотрим, — без энтузиазма отозвался он.

— Мне хотелось бы остаться здесь на какое-то время, — продолжила я. — Нужно будет заняться документами...

— Конечно, — кивал он, — мы подготовим комнату вашей мамы...

— А другой комнаты не будет? — вырвалось у меня раньше, чем он закончил.

Виктор замялся, смущенно хмурясь.

— У нас только комнаты для персонала...

— Ну, если есть свободные...

— Да, всегда есть свободные, потому что к нам периодически приезжали... много кто.

— Да, отлично, — улыбнулась я. — Можно же мне будет пожить в одной?

— Ладно, — задумчиво протянул он, будто прикидывая что-то. — А вы останетесь одна? Или... нам понадобится больше комнат?

— Одна останусь. Борис Михайлович будет консультировать меня удаленно, да и... не нужно здесь столько людей. Думаю, я справлюсь сама. Ну, с вашей помощью, конечно.

— Да, конечно, вы всегда можете на меня рассчитывать, — дипломатично отвечал Виктор, но я явно видела, что он не был готов к такому повороту.

И только я собралась открыть рот, как откуда-то рядом послышался мамин голос:

— Витя! А ну дуй сюда!

Михей вошел в мою комнату и положил мне на кровать стопку одежды. Я обернулся от окна.

— Вот тут. Одеться. Тебе должно подойти, — сообщил он традиционно через программу-переводчик.

— Спасибо, — кивнул я, не утруждаясь тем, чтобы гаджет меня услышал, и вернулся к созерцанию заснеженного парка за окном.

Чтобы не думать о своем униженном положении, я сосредоточился на цели своего визита — поиске брата. Вернее, попытался, но удручаться выходило гораздо лучше. У меня же ни черта не было — ни мобильного, ни понимания, где я вообще и как далеко от города... Вот же попадалово. Я не был к этому готов.

— Виктор сказал вам одеться, — меланхолично пробубнил Михей.

— Окей, — раздраженно выдал я и принялся стягивать с себя рабочий комбез, надеясь на приватность. Но Михей продолжал стоять.

— Что? — потребовал я по-английски, придерживая комбез одной рукой.

— Забрать, — указал на меня Михей.

— Да, что б тебя, — прорычал я.

— По правилам нашего приюта обращаться в зверя можно только по согласованию или по графику, — вдруг сообщил он, спокойно взирая на мой стриптиз. — Прием пищи по желанию. Список обязанностей тебе выдаст Виктор.

Я слушал, стягивая с себя комбез. И только потом сообразил, что нужно было сначала выбрать одежду, а не стоять голышом и пялиться на этот секонд хэнд.

— Это что? — хмуро поинтересовался я, глядя на дырявые джинсы. — Вы тут так ходите при такой погоде? А это...

И я выудил майку с тонкими бретельками такого вида, будто ей мыли полы сначала, а потом сжалились и снова постирали. Мда... Кем я тут должен буду работать, интересно? В таком-то прикиде...

— А ничего получше нет?

— Я взял одежду у Евлампия. Вы с ним более-менее одинаковые по телосложению. Это все, что он отдал, — объяснил Михей. — Виктор позже решит вопрос.

— Понятно, — съязвил я, натягивая джинсы. И добавил раздраженно: — Что-то коротковат ваш Евлампий...

Переводчик озвучил мое негодование неожиданно быстро.

— Я шас объясню тебе, что рост — это привилегия! — вдруг послышалось откуда-то из коридора.

Я перевел вопросительный взгляд на Михея, застывая с джинсами.

— Это — Евлампий, — объяснил Михей с психопатическим спокойствием, кивая на коридор.

— Я не хотел его обидеть, — смутился я и проворчал: — Тут вообще можно рассчитывать на приватность?

Михей повысил голос, объясняя что-то владельцу моих вещей, а я добавил в переводчик как можно четче:

— Спасибо за одежду.

— Вот так бы и сразу, — послышалось ближе, и в дверном проеме показался, видимо, Евлампий.

Он был ниже меня ростом, крепкий и, судя по взгляду, совершенно отбитый отморозок. Лысоватый, небритый и пышущий брутальностью за версту. И не только ей, кстати сказать. Боксом, может, занимался всю сознательную жизнь? Когда он вдруг оскалился, я сделал шаг назад.

— Ничего себе! — усмехнулся Евлампий неожиданно дружелюбно и пихнул в бок Михея. — Вот это экземпляр. Кто он? Коала, что ли?

Я только хмуро взирал на парочку, не понимая ни слова.

— Ду ю спик инглиш, коала? — помахал он мне.

— Да, говорю, — спокойно отозвался я.

— Жаль, что я не говорю, — удрученно вздохнул он. — А то бы поболтали. Ты из Джипан?

Я кивнул.

— Кул! Ты морду попроще сделай, тут такую могу делать только я.

— Возьмите, — протянул я Михею комбез, желая только одного — чтобы эта парочка убралась из моей комнаты.

Но мои надежды на цепную реакцию не оправдались. Михей и правда ушел, а вот Евлампий наоборот решил остаться и устроился с удобством на кровати, глядя на то, как я раскладываю вещи. Он бесцеремонно шлепнулся на бок поперек и подтолкнул мне толстовку:

— Это — легендарная вещь. Меня в ней били три часа без остановки в тюрьге... Видишь, дырка? Это от ножевого... Найф! Смекаешь?

— Нож? — вздернул я бровь.

— Да. Ты это... умеешь? — и он сел и принялся бить по воздуху кулаками.

Я кивнул.

— Кул! Побоксируем, да?

— Нет, — на всякий случай отказался я.

— А это не было вопросом, — оскалился он. — Вис из но куесчен.

Я только закатил глаза.

— А ты кто? Ху а ю? Коала?

— Сам ты коала, блин, — проворчал я на японском.

— Ты со мной нормально говори! — недобро насупился он. — Би э мэн! Нечего за своим чириканием прятаться! Надевай давай толстовку! А я, кстати, вот этот... как его... Хани итер!

Я медленно моргнул, поднимая на него взгляд. Медоед? Из груди едва не рванулся истеричный смех... Ну, понятно теперь, что у него с лицом. Смех все же прорвался из грудной клетки, и я спешно закашлялся, чтобы этот отморозок не принял меня за цель. Я же от него и гранатометом не отобьюсь.

— Ты ржешь что ли? — насторожился он. — Но факин лафинг!

— Ноу лафинг, — покачал я головой и натянул толстовку.

— Другое дело. Вэл дан! — показал он большой палец вверх. — Прости, но обуви нет. Но шуз. Я хожу босиком. Меня все равно тут считают за дебила — это очень удобно. Говорю, айм крейзи. Бэрфут. Ноу проблем.

— Ноу проблем, — удрученно вздохнул я.

Тут хлопнула дверь в дом. И я с облегчением услышал, как по коридору идет Виктор.

Глава 2

— Витя! Витя, это ты?

Я в который раз округлила глаза и покачала головой, глядя на невзрачную птицу, сидящую на спинке кресла. Она невероятно точно копировала мамин голос. До мурашек просто!

Виктор вынес мне это чудо из спальни и представил Маней. Мане было двадцать лет, и по попугайским меркам она была дамой взрослой, но еще не старой, как объяснил он.

Таких попугаев я раньше не видела. Она была полностью серой, размером с голубя, и с ярко-алым коротким хвостом, который и привлекал внимание. Виктор заверил, что характер у Мани добрый, не взбалмошный и не авантюрный. Большую часть времени Маня привыкла сидеть на кресле в кабинете, о чем это самое кресло красноречиво и жаловалось ободранной обивкой, чему я сразу не придавала значение. Вот и теперь Маня шагала по его спинке туда-сюда, временами выдавая что-то по-маминому и с интересом глядя на незнакомцев.

— Интересная птичка, — улыбнулся Борис Михалыч.

— Это какой-то потусторонний приемник, а не птичка, — хмуро постановила я и вздрогнула от ее:

— Аня!

— Господи, — поежилась я.

— Кажется, она говорит «Маня», просто первую букву проглатывает...

— Интересно, мама специально ее так назвала? Чтобы ругаться на меня и в мое отсутствие?

— Ты не передумала тут оставаться?

— Ну, кто кроме меня тут все разберет? — обреченно выдохнула я.

— А-ня! — вкрадчиво вставил попугай.

— Понимаешь? — И я перевела скептический взгляд на Бориса.

— Мда, тебя ждет настоящий ретрит от прошлого. Поговоришь с мамой через Маню, выскажешь все и разберешь вещи и документы. — И он посмотрел на часы. — Так, где там наш провожатый? Мне скоро на самолет...

— Тебе лучше поспешить. Потому что, если эта птица сейчас еще что-нибудь выдаст, я спрячусь к тебе за пазуху и не вылезу до самой Москвы.

Борис улыбнулся и поднялся:

— Я на связи в любое время дня и ночи.

— За пару недель я справлюсь, — поднялась я следом.

— Главное, с Маней подружись.

— Ну, нет, — опасливо глянула я на нахохлившуюся птицу. — Пусть Виктор ее себе забирает. Она вон его зовет постоянно...

— Ее тебе официально завещали, — улыбался Борис, направляясь в холл. — Слушай, может, ты все же в доме останешься? Тут из персонала — одни мужчины...

— Да? — насторожилась я.

— Да, а ты вдруг стала проситься в гостиницу к ним. Мало ли, кто там живет... Или ты все же решила рассмотреть подношение из страны восходящего солнца?

— Очень смешно, — закатила я глаза. — Но я не смогу тут заснуть. А если Маня лунатит и будет болтать в темноте, то я кони двину тут от страха...

Мы не спеша спускались по лестнице в гостиную, а я рассматривала фотографии в рамках на стене. Везде мама с какими-то людьми. Улыбается, обнимается, увлеченно беседует... Только фон разный — горы, лаборатория, конференц-зал... Нет, пожалуй, никакой ретрит мне не поможет. Наверное, нужно будет вернуться на психотерапию после того, как это все закончится. Как раз Маня мне наделает новых психологических травм.

— Виктор, подбросите меня до такси? — поинтересовался Борис Михайлович в мобильный. — Да, спасибо, жду. — И он повернулся ко мне. — Держись, Аня.

— А-ань! — вскричал попугай в кабинете, потом послышались звуки полета, и Маня ворвалась на лестницу, а вскоре плюхнулась мне на плечо.

Я застыла, в ужасе глядя на Бориса.

— Ну, вот, ты ей нравишься, — ободрил он меня.

Я покосилась на попугая на плече и гулко сглотнула.

— Она же мне глаз может выколоть, как нечего делать... — прошептала в ужасе. — Сними ее, пожалуйста...

Борис бесстрашно протянул руку, но Маня перешагнула на другое плечо, схватившись осторожно клювом за мой воротник. А потом вдруг робко потрогала сергу в ухе.

— Блин! — взвизгнула я, прикрывая ухо ладонью.

На это Маня устрашающе проскрежетала клювом и устроилась с удобством.

— Ань, не шевелись, — посоветовал Борис, — она вроде не проявляет агрессии.

— Ты уверен?

— Да, нахохлилась и глаза прикрывает. Ты ей нравишься определенно.

Я обреченно вздохнула и спустилась в гостиную, отнимая руку от уха. И Маня снова потянулась клювом к серге. Пришлось снять украшение, пока ухо цело.

— Виктор подъехал, — сообщил Борис, глянув в окно.

— Напиши, как долетишь, — попросила я шепотом, пытаясь не тревожить попугая.

— Хорошо. На связи.

И он вышел. А я осталась с попугаем в тишине большого дома одна. Поэтому не составило труда расслышать, как Маня вцепилась в плечо крепче когтями, надулась и ляпнула мне каплю помета на спину.

— Ну, спасибо тебе, Маня, — проворчала я.

— К деньгам! — довольно сообщила она маминым голосом, и я хрюкнула.

А у мамы, оказывается, было чувство юмора...

— В общем, ситуация следующая, — хмуро заявил Виктор и обвел присутствующих в столовой взглядом, — все плохо...

Евламий оскалился и сжал до скрипа спинку деревянного стула, который оседлал задом наперед. Михай не выражал никаких эмоций, застыв у выхода со сложенными на груди руками. А я осознал, что, мало того, что влип в шантаж, так еще и в какую-то противозаконную манипуляцию наследством...

— Можно, я не буду участвовать в обсуждении ваших проблем? — спросил я Виктора по-английски. — Я все же оперативник, хоть и в отпуске...

— Ты уже пособник, — спокойно возразил Виктор. — И напому тебе, что ты сам нарушил закон, пробравшись сюда в контейнере. Так что...

И он красноречиво развел руками. Я напряженно вздохнул, скрипнув зубами.

— Наследница настроена продавать это все, — объявил он, переводя для меня каждое предложение отдельно.

— Да блин! — взвыл Евламий.

— Ев, ну хватит, — проворчал Виктор. — И так тошно.

Михей будто бы помрачнел еще больше, но точно сказать было сложно.

— Нам нужно придумать, как выйти на самообеспечение. И это возможно только за счет благотворительности, потому что научных работников среди нас больше нет.

— Я могу заняться рекетом в городе, — оживился Евламий.

Виктор покачал головой и красноречиво вздохнул.

— Если Анна все это продаст, мы пойдем по миру, — хмуро заключил он, игнорируя непонятное мне предложение медоеда. — Поэтому, попрошу всех вести себя благожелательно и изо всех сил стараться нравиться наследнице. Кроме, Ева, тебя. Тебе запрещается говорить с ней и вообще находиться рядом.

— Да, блин! — возмутился он. — Что это вообще за дискриминация?! Я бы мог ее очаровать на раз-два!

— Аня не адаптирована. Она понятия не имеет, что тут на самом деле происходит. Если кто-то чем-то себя выдаст, я прикрывать не буду.

— Зря. Я мог бы решить все наши проблемы, — самоуверенно возразил Евламий.

— Просто делай свою работу, Ева, и помни, что идти тебе отсюда некуда.

— Да мне плевать! Я могу жить в канаве и питаться червями! Это вы тут все изнежились. Жизни не нюхали!

— Зато ты нанюхался так, что тебя еле вернули. Замолчи уже.

— А почему владелица приюта не завещала это все тебе? — поинтересовался я.

— У нее вообще не было завещания, — тяжело вздохнул Виктор. — Никто не был готов к тому, что ее не станет. Как и она сама.

— А что случилось?

— Инсульт. — И он уставился себе под ноги остекленевшим взглядом. — Я ее на полу в кабинете нашел. Маня меня звала...

— Сочувствую, — вежливо отозвался я, не став уточнять, кто такая Маня и почему ее нет среди собравшихся.

— Так, ну все, — прервал скорбную паузу Виктор, — всем за работу. Акира, а ты со мной. Покажу тебе тут все...

Я кивнул. Виктор прав. Я влип по собственному желанию. И разгребать придется мне.

... во всех смыслах.

— Здесь у нас росомаха сидит, — указал Виктор на вольер справа. — Сюда не суйся. С росомашой у нас все сложно. Иру она только признавала, а других не подпускает. Поэтому клетку у нее чистит Ева.

— Тоже нашел общий язык?

— Нет, ему просто все по барабану. И, да, если увидишь, как Тимоша таскает Еву по вольеру в зубах — ничего не делай. Еве не привыкать. У них это под настроение...

Я сузил глаза на слепящее солнце и искал взглядом росомаху в вольере. Но тщетно. Мы направились по вытоптанной в снегу дороге дальше мимо вольера росомашки к следующему. Размеры территории впечатляли. Я шаркал огромными резиновыми сапогами вслед за Виктором, временами поправляя тулуп без пуговиц на плечах. Мороз все же обжигал до нутра.

— Сколько тут сейчас градусов? — хрипло поинтересовался я.

— Тепло, где-то минус тридцать.

Дурдом какой-то, а не приют.

— Михей сказал, что ты решишь с моей одеждой, — пытаюсь скрыть раздражение, заметил я. — А то я прям не знаю, как мне очаровывать в таком прикиде новую хозяйку.

— Ну, у тебя это хорошо получается и без прикида, — усмехнулся Виктор и остановился у следующего вольера. — Тут у нас тигры.

— Ты издеваешься?! — прорычал я. — Тигры?!

— Они у нас дружелюбные. А ты вообще-то оперативник...

— Поэтому меня и отличает здравое мышление, — огрызнулся я.

— Акира, расслабься. Я не посылаю тебя к тиграм в пасть. Вольер с ними разделен на две части. Одна перекрывается, пока чистишь другую. Не паникуй.

— А оборотни тут еще есть? — с надеждой поинтересовался я.

— Есть. С ними работаю я. — Он направился дальше, я — за ним. Оставив надежду позади. — Здесь много оборотней на реабилитации. Большая часть — редкие, типа Евы. Ираида специализировалась на их изучении...

Видимо, они еще хуже этой троицы энтузиастов.

— Хорошо, а что по мне?.. — поинтересовался я, провожая взглядом пару тигров, вальяжно направляющихся в нашу сторону.

— Один день в неделю у тебя выходной, — как ни в чем не бывало обозначил Виктор.

— Один?! — Я решительно обошел его и преградил путь. — Осознай пожалуйста, что я не по программе обмена студентами приехал! Мне нужно найти брата! И как можно быстрее! А не возиться тут в навозе!

На лице Виктора мелькнуло сомнение.

— Ладно. Сколько тебе дней нужно?

— Как можно больше...

— В навозе повозиться тоже придется, потому что Аня тебя видела. И мне пришлось выкручиваться.

— Выкрутись снова. Скажи, что я в языковую школу езжу, к примеру! Но мне нужно заняться поисками как можно быстрее! Мой брат пропал на задании, и ему может быть необходима помощь!

— Так, не дави! — раздраженно оборвал он меня. — Хорошо-хорошо, вали на свои поиски. Но когда возвращаешься — берешься за навоз. Хотя бы для вида! А на выходных ты будешь работать бинтуронгом вон в том вольере...

И он указал на какой-то загон, занесенный снегом.

— Ты прикалываешься?! — округлил я глаза. — Я же задницу там отморожу!

— Никто еще не отморозил...

— Да, только голову, видимо, судя по вам тут всем вместе взятым!

— Не ной, солдат! Что ты как принцесса, блин?! Задание на сегодня — убраться в своем вольере, чтобы был готов на выходные.

— А у тебя — погуглить условия содержания бинтуронгов, — возразил я раздраженно. — Гуглить умеешь?

Виктор наградил меня тяжелым взглядом, но послушно вытащил мобильный.

— «Хотя бинтуронгов иногда содержат как экзотических питомцев, они плохо поддаются приучению к туалету и требуют специализированного ухода», — ехидно зачитал вслух.

— Температуру содержания найди, — нетерпеливо процедил я.

— Да вижу я, вижу — двадцать градусов.

— Тепла! — уточнил я на всякий случай.

— Черт, надо закаляться, Акира, — всплеснул он руками. — Не на юг приехал! Где я тебе тут плюс двадцать возьму? Другого вольера у нас нет все равно...

— Я начинаю понимать, от чего у прошлой хозяйки случился инсульт, — хмуро процедил я.

— Рот захлопни, — огрызнулся он. — Ты — оборотень. Оборотни практически не мерзнут.

— Мерзнут меньше, — надавил я.

— Выдам тебе тулупчик и валенки. Так даже больше внимания соберешь...

— Вас скорее закроют за жестокое обращение с экзотическими видами и некомпетентность, — возразил я весомо.

— Да что б тебя! — вызверился Виктор и зашагал обратно. — Пошли ... У нас остался вольер от крокодила...

— Твой муж — совершенно бессовестное существо, Аня, — напряженно сообщила мне в трубку Рая, мой адвокат по бракоразводному процессу и лучшая подруга. — Черт, я только вчера обещала себе больше не материться, а тут — твой развод...

— Я слышу, как тяжело это тебе дается. — Я расхаживала по гостиной туда-сюда с Маней на плече. — Что он хочет?

— До хрена! — сдавлено прорычала она. — Я... Я его по миру пушу, говноеда такого!

— К деньгам! — брякнула вдруг Маня, и Рая насторожилась:

— Это кто там у тебя?

— Это мамин попугай, — обреченно вздохнула я.

— Ничего себе... А кроме попугая тебе что-то еще досталось?

— Боря тебе расскажет. Но, если коротко — геморрой. Много. И все это занесено снегом.

— Сочувствую, — вздохнула она. — Ты держись?

— Да, все хорошо. Я решила провести тут отпуск и разгрести все документы, чтобы понять, что дальше со всем этим делать...

— А Боря?

— Уже уехал. Так, а что там Данил?..

Рая раздраженно засопела в трубку и принялась перечислять:

— Он хочет квартиру, машину, половину от инвестиционного счета... мне продолжать?

Я добрела до ближайшего кресла и медленно в него опустилась. Обещала же себе, что не буду страдать из-за этого мудака. Но было больно. Очень. Не из-за него. Из-за себя. Почему он так поступил? Я же... я ничего ему плохого не сделала, старалась везде успевать, работала... Ну, да, много. Но кому-то ведь надо было?

— Ань? Чего молчишь?

— Просто... устала, — тихо отозвалась я и прикрыла глаза.

— Надеюсь, ты не винишь там себя?

— А разве я не виновата? Я сама выбрала Данила.

После первого развода я избегала серьезных отношений долгие пять лет. Именно тогда я открыла свою юридическую компанию. Но потом у меня случился бурный роман с адвокатом из Абу-Даби. Страсти между нами кипели настолько нешуточные, что временами становилось страшно. А потом у него начались приступы дикой ревности, и я сбежала из отношений, как говорится, роняя тапки. Переживала я это расставание еще сложнее, чем первый развод. Перед Данилом мной увлекся взрослый мужчина, с которым я познакомилась в ходе самого большого дела тех лет, что мы вели. Он был главой компании, у которой пробовали отобрать часть недвижимости в центре города. Горячие выдались месяцы тогда. Во многих смыслах. Но и в тех отношениях меня ждал провал. Мужчина мой жил на работе, как и я. А как можно пересечься, если работы у нас разные?

И тогда я подумала, что общий офис для меня может быть более удачным вариантом. Данил оказался перспективным адвокатом в области страхового права. Только крупные успешные дела остались в той поре, когда мы начали жить вместе. После свадьбы он быстро сбавил обороты и переключился на бесконечную учебу в нескольких магистратурах, практически перестав зарабатывать. Я понимающе молчала и вкалывала, как папа Карло, взяв на себя обеспечение нас обоих. За последний год я дико вымоталась, похудела и поблекла, едва находя время поднять голову от монитора. Мне все казалось, что, когда Данил закончит учебу, мне станет проще. Я уже даже планировала, как возьму себе нескольких помощников, которым передам управление частью дел, чтобы разгрузить себя. И тут — Рая в моем кабинете и сложный разговор о правде. Оказалось, что муж выбрал себе девушку помоложе и без претензий — практикантку из отдела бухгалтерии. И что об этом уже знает вся компания...

Не уверена, что моей первой эмоцией не стало облегчение, что мне, наконец, можно больше не жить надеждами о свете в конце туннеля. Ну, а потом, конечно, догнало жуткое разочарование и бессилие.

А после ухода Данила я узнала, что у меня больше нет мамы.

— Ты когда его уволишь? — поинтересовалась Рая осторожно.

— Я думала, что он сам уйдет, — смущенно отозвалась я. — Не до него было...

— Я понимаю, но Данил и в ус не дует.

Блин, как это мерзко все...

И тут меня осенило. Я же сбегаю. Нет, конечно, этот приют и мамин дом — мое дело, и никто не разберет это все без меня, но я и рада сбежать сейчас из эпицентра стыда и позора.

— Вот же факин щит! — вдруг выругалась Маня на моем плече, и Рая прыснула в турбке:

— Попугай дело говорит. Надеюсь, ты привезешь его в офис?

— Нет, он не мой.

— Ну, теперь же твой?

— У меня в жизни не было животных, и я вообще не знаю, что с ними делать. Оставляю здесь, наверное. У нее тут друзья.

— Это девочка?

— Да, Маня.

— Аня! — оживилась Маня.

— О, вы уже познакомились, — прыснула Рая.

— Да не знает она меня, — закатила я глаза. — Это она свое имя произносит не четко. Просто тут нет никого больше, и она... сидит со мной.

— Ну, вдвоем всяко веселее, тем более, она по делу же все говорит. Я слышала, что большинство умных животных тяжело переживают потерю своих хозяев, — добавила Рая серьезно. — Слушай, отдыхай там и ни о чем постарайся не волноваться. А с Данилом мы с Борей разберемся.

Боря, так случилось, был женат на Рае. И я опасалась, что теперь у них только и будет разговоров, что обо мне. Одна ведет бракоразводный процесс, второй — расхлебывает ситуацию с наследством...

— Ладно, — тихо согласилась я в трубку.

— Все будет хорошо, мы тебя прикроем, — бойко заявила Рая.

— Рай, — просипела я, — спасибо большое...

— Держись, главное. И если что — я сразу прилечу. И он того не стоит, правда...

— Ладно, — и я шмыгнула носом. — Ты права...

— Не реви, — вдруг вставила авторитетно Маня маминым голосом.

Хорошо, что я к этому моменту уже отбила звонок, потому что вздрогнула от неожиданности и едва не выронила мобильный.

— Хочу и реву, поняла? — огрызнулась я и попыталась согнать попугая с плеча, но та только сползла мне на спину и спокойно переждала мои боевые действия, тут же вернувшись на место.

— Тише, — посоветовала ворчливо и снова заскрежетала клювом.

— Оставь меня в покое! — повысила я голос и нагнала все же птицу с плеча. — Еще попугай мне какой-то не указывал, что мне делать!

Маня вскрикнула, вспорхнула, сделала круг по гостинной и уселась на перила.

— Что творится?! — возмутилась возбужденно. — Глупая курица!

— Сама такая!

Ну и дела! Докатилась! Ругаюсь с попугаем, который говорит голосом мамы! Что бы сказал мой психолог, интересно?

Но вразумить себя не получалось. Во мне просто бурлило от злости! Я заходила туда-сюда по гостинной, пытаясь успокоиться. Хотелось что-то разбить, на кого-то наорать или с кем-то подраться! Только вокруг меня снова никого. И поделом. Драться надо было в Москве, когда Данил признал вину с абсолютно равнодушным лицом.

И зачем я только тут осталась? В Москве хоть какое-то окружение. Можно в кафе сходить, в кино или по магазинам, встретиться с Раей и посидеть в каком-нибудь приятном месте, или с психологом... и сделать хотя бы видимость, что я кому-то нужна! А здесь все слишком понятно! Здесь придется думать только о главном — о своих неудачах в близких отношениях. И о том, какую боль они причиняют. Этот дом с приютом в снегах — как жирная точка на белой бумаге! Никак себя не обманешь — только смотреть правде в глаза придется.

Я уронила голову на руки и уселась на диван, шумно сопя.

Мне никогда не удавалось почувствовать себя хоть кому-то необходимой, нужной... Я готова была отдать за это все, что у меня было, и достать все, чего еще не было. Но в итоге — я между двух событий, связанных с людьми, которые не собирались давать мне шанс.

Данил не будет за мной бегать, мириться, пытаться что-то исправить или просить прощения. Я могу свалить хоть на Луну, а он вон, работает как ни в чем не бывало и делает голову моему адвокату, думая лишь о том, как побольше с меня содрать.

И маме я никогда не была нужна. У нее тоже была бурная занятая интересная жизнь, в которую я так и не вписалась. Ей и без меня было хорошо. А вот мне без нее — не очень. И высказать теперь это все некому — мамы не стало. Только Маня вот... за нее...

— Безобразие, — проворчала она и нахохлилась. — Ви-тя! Витечка!

Я потеряла виски и подумала о том, что надо бы отдохнуть и что-нибудь поесть. Да и... видеть я этот дом пока что не готова. Хватит с меня. На сегодня.

— Витя!

— Да-да, звоним Вите, — пробубнила я себе под нос и набрала управляющего.

Тот примчался через десять минут и бодро ворвался в гостиную с мороза:

— Ну, как дела?

— Витя! — оживилась Маня и спикировала к нему.

— Как вам Маня? — улыбнулся он, подставив попугаю руку.

— Витя, чайку бы! — возвестила она и взмахнула крыльями.

— Маня — чудо... — Я едва не добавила «юдо». — И про чаек она тоже права. Можно тут у вас где-то пообедать? Или заказать что-нибудь из еды?

— У нас Михей отлично готовит, — оживился Виктор. — Еда простая, но очень вкусная. Всем нравится. Вы не веган случайно?

— Нет.

— Фух. Ну, тогда пойдете? Я вам как раз покажу гостиную для персонала.

— А Маня?

— Маня здесь живет, — пожал Виктор плечами. — Да, Мань? У тебя все есть — лети в клетку.

Стало немного жалко все же Маню. Но себя мне было жаль больше.

— Вите надо выйти, — пропела Маня и вспорхнула с его руки.

— Да-да, — усмеялся он. — Надо выйти.

Я надела пуховик, натянула вязаную шапку и вышла на мороз, сочно скрипя снегом на ступенях. Солнце хоть и клонилось уже к горизонту, но все равно слепило.

— Тяжело вам управлять такой территорией? — поинтересовалась я.

— Я привык, — пожал Виктор плечами, и мы пошли по дорожке вдоль сугробов к гостинице. — Да, дел много, но и персонал тут отличный. Все — профи. Ну, за исключением Акиры, которого мы сегодня случайно застали... Он у нас будет на испытательном сроке работать.

— А вопросы с переводчиком решили? — усмеялась я. — Во избежание новых инцидентов...

— Он будет посещать языковые курсы в городе. Ну, а пока не выучит русский, будет работать на улице. Чтобы не раздевался больше почем зря...

Я прыснула. Настроение немного поднялось. Атмосфера тут все же была особенная. Пусть и от правды тут не скрыться, но и жизнь тут будто бы была более настоящей. Понятной, что ли. Спасать животных — это хорошо. Никаких противоречий и сомнений. Давать людям интересную работу, за которую они держатся — тоже. Виктор все же как Фигаро весь день — между нами и работой носится. И очень переживает, если все, чем он управляет, вдруг перестанет существовать...

— Так а бинтуронга вы нашли? — решила сменить я тему. — А то так и не показали.

— А... да! — закивал Виктор, смущенно улыбаясь. — Конечно нашли! Куда б он делся? Такой...

— Просто, контейнер был пуст, вот я и спрашиваю.

— Ну, так Акира его увел в вольер. Все, короче, перепутал...

— Я бы хотела все же это чудо увидеть. Никогда о таком не слышала, а тут вдруг он совсем рядом, и можно посмотреть...

— Без проблем, — протянул он. — Сейчас он, правда, в стрессе от переезда...

— Ну, я не буду его тревожить — просто взглянуть хотелось бы.

— Конечно, все это можно. Но сначала пообедать, да?

— Да.

— Ну и славно...

Глава 3

Вот интересно, за что это мне?...

Я обозревал мрачным взглядом заплесневелый бассейн и разбросанные по вольеру гнилые коряги вперемешку с камнями и морщил нос от запаха тины в затхлом воздухе. Крокодилу, безусловно, повезло отсюда съехать. Даже сдохнуть повезло, если он съехал таким образом. А вот мне...

Ну что я, по сути, такого сделал? Нарушил закон? Так карма по законам не работает. Я же не мог бросить брата потерянным без вести. Тогда почему у меня все так не складывается? Или это просто испытания? Хотя, а когда бы мне везло с этой самой кармой?... Начнем с того, что зверь у меня — само по себе издевательство. Вероятно, я отработывал за какие-то грехи в прошлой жизни. Начал отработывать с детства, и, наконец, оказался в том самом месте, где возмездие меня должно настигнуть в полной мере...

— Эй, Акира! Ох, ну и вонизма... — Евлампий деловито оглядел вольер и, судя по выражению лица, остался доволен. — Будет, где прятать трупы неугодных нам посягателей на наследство... Килл Билл. Смотрел?

— Рад за тебя, — пробурчал я и взялся за швабру.

— Диг ин, мэн! — направился он ко мне. — Въезжай быстрее! Скоро сюда потянутся покупатели. Все здесь снесут, сровняют с землей и построят небоскребы с торговым центром. Так что можно не мыть вольер. Виктор не сможет предотвратить неотвратимое. У него харизмы не хватит.

Из всего я понял только «въезжать» и что-то про Виктора. Может, он считает, что Виктор не въезжает? Быть может. Только спорить с медоедом себе дороже. Хотя, молчать — тоже так себе тактика. С ним любая тактика плохая.

— У меня есть план, — оскалился он и уселся на кафельную ступеньку. — План!

Я обреченно кивнул, продолжая елозить шваброй по полу.

— Тут у нас — девушка. Э воман! — И он обрисовал женские формы, которые больше напоминали снеговика, но в образах я не силен. — Она наследница! А, значит, чтобы это все осталось наше, нужно просто влюбить в себя наследницу! Воман! Лов! Диг ин?

Я кивнул. Виктор все утро бежит от меня к делегации, состоящей из наследницы и ее сопровождающего. Но Евлампий решил разнообразить наше общение живописью, отобрал у меня швабру и принялся рисовать обратной стороной ручки по илу:

— Во-ман! — И он попытался изобразить ее, но, честно говоря, то, что он рисовал в воздухе, было больше похоже. — Любовь.

Сердечко в его исполнении больше напоминало обозначение ситуации, в которую я попал. Если его перевернуть. Но, в общем, тоже все понятно. Я вопросительно вздернул бровь, и Евлампий торжествующе указал на себя. Ах, вот оно что... Я вежливо растянул губы в улыбке и показал ему большой палец.

— Гуд план? — хлопнул он меня по плечу воодушевленно.

— Гуд... план.

— А ты ничего, — довольно заключил он. — Когда все тут станет мое, я тебя повышу. Ты готовить умеешь? Кукинг ду?

— Эм... Шпрехен зи дойч?

— Ничего, научим. Я бы чего поразнообразнее поел — суши какие-нибудь умеешь? Суши?

Блин, ну это уже какой-то перебор с кармой...

— Акира! — послышалось издали, и вскоре в крокодилий вольер влетел Виктор. — Акира, Аня хочет увидеть бинтуронга! Срочно перекидывайся.

— Что?! — возмутился я.

— Что слышал! — выпучил он на меня глаза.

— Э! — возмутился Евлампий. — Че ты на него орешь?

Виктор быстро перевел ему суть, для описания которой уже не хватало графических «сердечек» Евлампия. Я мысленно застонал. Евлампий возмутился в голос:

— Почему его?! — взмахнул он яростно руками. — Ты ей скажи, что тут медоед есть! Нахрена ей коала этот?! Кто его ей так разрекламировал?!

— Не говори ему! — тыкнул в меня пальцем Виктор. — У тебя десять минут, и Аня идет сюда! Ева, а ну за мной!

— Может, я просто снова разденусь? — досадливо проворчал я по-японски и поморщился.

Я терпеть не мог своего зверя.

Вернее...

Нет, именно так. То, что я не был хищником во второй ипостаси, всегда доставляло кучу проблем. Да что там — это была основная моя проблема. Что значит быть идеальным воином в человеческом обличье и этим недоразумением — в звере? Я из кожи вон лез в военной академии, но мне не хватало природной хватки. Хищники более живучи, менее прихотливы, и будь я трижды звездой факультета, мне не светило никакой толковой военной карьеры, потому что я, мать его, кошачий медведь! Что само по себе издевательство, потому что ни медведем, ни кошкой мое второе «я» не является. Оно, блин, ест фрукты и пахнет тазиком с попкорном. Господи, какой позор! Без слез не взглянешь!

Единственным лучом света во всем этом мраке был мой старший брат. Макото тоже закончил Академию с отличием. И карьера у него сложилась неплохо. По крайней мере, он сиял, когда приезжал из очередной поездки. Не распространялся, но я видел, как он доволен. Мать с отцом гордились им очень, а я видел в нем того, кем хотел бы стать. Черт с ним со зверем, все возможно, если будешь трудиться. И военная карьера тоже сложится...

Но потом он исчез. Пропал, перестал выходить на связь, а позже родители получили сведения, что он уехал куда-то на Север России на очередное задание. И на этом связь с ним оборвалась.

Так, ладно. Не время рефлексии. У нас с Виктором все же сделка. Он свое слово сдержит, и мне нужно. Я потянул с себя шмотки, сложил их аккуратно в более-менее чистое место и обернулся в кошкомедведя... Только стоило сделать шаг по скользкому полу, и я шлепнулся на бок и... изгваздался в зеленой жиже, вероятно, добавляя себе больше сходства с ленивцем...

Гостиница приятно удивила. Современная, оборудованная полноценными номерами с ванной и туалетом. Виктор выделил мне просторный номер на третьем этаже, а потом мы спустились в пустующую столовую. Все здесь было чисто аж до блеска и уютно, хоть и лаконично по-мужски. На первое оказался вкусный борщ, на второе — умопомрачительные котлеты с картофельным пюре. Я будто в пионерский лагерь вернулась на двадцать лет назад. От компота я отказалась, и меня угостили вкусным кофе.

Виктор очень старался мне понравиться, и это заставляло меня чувствовать себя виноватой еще больше. Он с гордостью рассказывал об устройстве парка, людях, распорядке и традициях.

— А вы давно тут работаете? — поинтересовалась я.

— Больше десяти лет.

— Ничего себе. Это солидный срок...

— Наверное, — улыбнулся он, — но мне кажется, что он прошел слишком быстро...

— А сколько персонала еще здесь работает?

— Зимой в будни тут у нас немного народу. Я, Михай... он сейчас убирается у животных, но вообще отвечает за кухню и чистоту в гостинице. Есть еще Евлампий. Вот он заведует уборкой территории и вольеров. И Акира. Он пока что ничем не заведует, осваивается.

Я усмехнулась:

— И все?

— В будни этого достаточно. Тут все равно нечего делать, кроме как пахать. На выходных у нас плановые осмотры животных и дни посещения для обычного народа. К нам приезжают

охранники из агентства — у нас с ними договор, Ярик — студент, который ведет тут экскурсии, кейтеринг с закусочной на колесах... И клининг для дома Ираиды Тимофеевны.

— Много обычно людей посещает парк?

— В среднем за выходные человек двести.

— Наверное, это неплохо, учитывая отдаленность от центра?

— Вполне неплохо. Летом людей больше раза в два-три.

— Давайте тогда посмотрим все вокруг? — поднялась я. — Но начнем с кошачьего медведя. Кстати, я прочитала статью про него, но белых так и не нашла. У вас тут — очень редкий экземпляр...

Только, когда мы с Виктором оказались в полуподвальном помещении, я шокировано раскрыла глаза.

— Блин, это как?... — вырвалось у меня, когда я увидела бедное животное, с некогда белоснежной шерстью, лежащее на полу какого-то затхлого бассейна в зеленой тине.

Его большие глаза будто были наполнены обреченностью, уши поникли, и вообще он весь выглядел таким несчастным, что захотелось его срочно отсюда вызволить.

— Поскользнулся, наверное... — досадливо нахмурился Виктор и полез в вольер.

— Чей это бассейн? — недоумевала я. — Почему вы засунули бинтуронга сюда? Ему же здесь совершенно не место!

Этот бинтуронг по размеру был, наверное, с тигра. Ну очень большой! Только грустные глаза животного не скрывали никакой агрессии. Он трогательно свесил уши с кисточками и драматично уткнулся мордой в пол, раскидав лапы. Виктор спокойно подошел к зверю и попытался его поднять, но лапы с большими цепкими когтями не были предназначены для хождения по гладкому скользкому кафелю и снова разъехались.

— Вставай, будь добр, — склонился к нему Виктор.

— С ним что-то не так, — обеспокоено заметила я, подойдя к краю бассейна. — Я понимаю, что ничего в этом не смыслу, а вы тут управляете десять лет, но выглядит этот медведь очень плохо...

— Вставай, — недовольно пыхтел Виктор, совершенно не опасаясь ни размера, ни когтей. Он подхватил бинтуронга под живот и вытолкнул его на более-менее сухое место.

— А где его еда? Где деревья, по которым он должен лазить? — недоумевала я.

— Аня, мы не успели оборудовать ему вольер, — поднял на меня взгляд Виктор. — Приют не приспособлен для такого экзотического зверя. И я понятия не имел о том, что он к нам едет.

— Ну, ему это место совсем не подходит, — всплеснула я руками. — Может, забрать его в дом?

В этот момент бинтуронг совершенно отчетливо зарычал... и неожиданно вцепился Виктору зубами в ботинок. Управляющий, к моему удивлению, не дрогнул, а только выкатил глаза и опустил на животное осуждающий взгляд.

— Ты потише! — прорычал сдавлено.

— Виктор, вылезайте! — испуганно вскричала я. — Он же вас загрызет!

— Загрызет, получит в бубен, — нахмурился он и стряхнул бинтуронга с ноги. — Как видите, забирать его никуда нельзя. Кусается, скотина.

Бинтуронг вдруг издал резкий протяжный вой, от которого у меня пошли мурашки, и я попятилась к стенке. Виктор вылез ко мне, и вместе мы уставились на бедного бинтуронга, который принялся ходить туда-сюда по дну бассейна и беспокойно рычать.

— Может, он голоден? — предположила я, вытягивая шею.

Из бассейна теперь было видно только белый хвост зверя, изогнутый знаком вопроса, который ходил туда-сюда. Выглядело это как аттракцион в парке ужасов...

— Его плотно покормили, — заверил меня Виктор.

— Стресс?

— Скорее, мерзкий характер, — мстительно отозвался он.

Тут бинтуронг встал на задние лапы и недовольно на нас посмотрел, будто прикидывая, кого он съест первым.

— Ну и когти, — поежилась я. — Ему нужно оборудовать нормальный вольер. Он по документам точно наш?

— Точно.

— Блин, странно у вас тут все, Виктор, — хмурилась я. — Надеюсь, другие звери в порядке?

— Уверю вас, Аня, странно только с этим экземпляром...

— Зачем мама его заказала, если не было условий?

— Возможно, должна была кому-то передать, — пожал он плечами.

— Скорее всего. Ну, может, его владельцы объявятся?

— А, может, и нет...

— Займитесь вольером. Думаю, стоит на это выделить деньги — подобрать либо помещение, либо построить ему что-то...

— Вы правы, Аня.

— А звать его как?

— Его зовут, кажется, Белый бивень.

— Может, клык?

— Точно! — щелкнул Виктор пальцами. — Белый клык.

Я вздохнула и перевела взгляд на бинтуронга. Какие же у него осмысленные глаза. И такие яркие эмоции на морде, будто ненавидит он тут всех. Может, и правда мерзкий характер?

— Все же он очень красивый. Крупный такой... Я читала, что они двадцать кило весят...

— Не, этот под шестьдесят по документам.

— Может, какой-то редкий экземпляр? Нужно все тщательно проверить, чтобы у нас не было проблем. Что же он дикий такой? Бинтуронги отлично приручаются, если верить информации. Их даже в домах держат...

— Ну, может, его в детстве головой били...

На это Белый Клык пошевелил угрожающе усами и недовольно зарычал.

— Ты ешь яблоки! — напомнил ему Виктор. — Нечего тут скалиться! Мы уже и так все поняли. Будешь жить тут, раз такой!

— Виктор, ну он же не виноват, что такой, — зашептала я. — Нужно его все же куда-то переселить... Может, в одну из комнат в мамином доме? Там тепло...

— Он же там все загадит, — резонно возразил он, досадливо хмурясь. — Давайте пока возьмем паузу, а я подумаю, куда можно его пока что поселить...

— Хорошо.

— Блин, ты нормальный вообще? — хмуро взглянул на меня Виктор, когда я явился в столовую под вечер.

— Никто не жаловался, — раздраженно ответил я и направился к кофеварке. — Я вычистил вольер.

С первого взгляда становилось понятно — оба мы злые и уставшие.

— Ты зачем агрессию включил? Что это за импровизация?

— А ты хотел, чтобы она меня забрала к себе, и я жил сутки напролет в звере?

— Ты должен был ее очаровывать, а еще — стать звездой нашего парка, чтобы люди потянулись. А теперь все это под вопросом...

— Мы не договаривались, что я стану ручным медвежонком наследницы, — понизил я голос. — Ты говорил про работу только в дни посещений!

— Дерьмо, — выругался Виктор и пододвинул к себе чашку с кофе.

— Тебе не стоило питать иллюзии, что я смогу поправить дело, — заметил я, отворачиваясь к столику с кофеваркой.

— Ты вообще не в том положении, чтобы мне указывать, — огрызнулся он.

— Я в дерьме вместе с вами, поверь. Ничем мое положение не лучше, — не остался я в долгу. — Сделаешь вольер, буду бинтуронгом, как и обещал. По выходным. А завтра мне нужно будет ехать по делам. Тем более, пока нет вольера...

— Нет, Акира, — зло усмехнулся Виктор, — ты выступил так, что Аня теперь всерьез обеспокоена твоим самочувствием, а я должен тебя поселить куда-то со всеми удобствами, чуть ли не себе за пазуху! И лучше бы тебе прикусить язык, потому что не я тебя пинал сапогами, ты сам в них вцепился!

— Ты поставил меня в глупое положение! — возмутился я в голос.

— Перестаньте ругаться, — послышалось вдруг из-за двери, которой я не придал значения. Вероятно, она вела в кухню, а в столовую вышел Михей с подносом. — Анна вас услышит.

Виктор перевел.

— Она здесь? — прошептал я изумленно.

— На третьем этаже, — кивнул он наверх. — Не хочет жить в доме мамы...

— Почему? — удивился я.

— Там Маня говорит голосом Иры, — пожал он плечами. — А они... видимо, что-то случилось между ними, и у них не сложилось...

— С Маней?

— С Ирой. Да и с Маней тоже. У Ани что-то не складывается, похоже, ни с кем. Ира говорила, что Аня второй раз замужем...

— А Маня что говорит?

— Маня говорит все, что посчитает нужным, — усмехнулся он.

— Она мне уже нравится, — одобрительно усмехнулся я. — Больше, чем вы все тут...

— Зря, — злорадно оскалился он. — Потому что ей за это просто ничего не будет. Маня — попугай. А ты, Акира-сан, можешь и выхватить сапогом в следующий раз.

Я только открыл рот, но тут в столовую стремительно вошел Евлампий.

— И почему стратегическую информацию обсуждают без меня? — возмутился он. — А ну говори по-человечески!

— Вот еще! — усмехнулся Виктор. — Эта информация тебя не касается.

— Ужин готов, — вставил Михей.

— Что там? — оживился Ева. — Умираю хочу жрать...

— Это не новость, — проворчал Виктор.

— Так вы за червонную даму тут сплетничаете? — обернулся Евлампий от стола с полной тарелкой тушеного мяса.

— Перестаньте орать, — смущенно напомнил Михей.

— Это Ева орет, — возразил Виктор по-английски, уже явно путаясь. — А я просто хочу его перекричать.

— Аня еще не ужинала, — напомнил Михей.

— Ева, еще никто не ужинал! — повысил голос Виктор. — Оставь хоть кому-то!

Я обреченно подпер голову рукой. Ну и дурдом...

Только тут внимание всех обратилось ко входу в столовую.

— Доброго вечера, — улыбнулась Аня. — Не помешаю?

Я напрягся. Ничего не понял, но, видимо, она просто попросила разрешения присоединиться, потому что всех, кроме Михея, подбросило на местах.

— Проходите! — подскочил к ней Виктор, продолжая говорить на английском.

И Аня неожиданно ответила ему:

— Спасибо. Кофе у вас тут есть?

— Ну, началось! — недовольно возопил Евлампий, брякнув полной тарелкой об стол.
— Говорите по-русски!

— Не обращайтесь внимания, Аня, — махнул Виктор рукой. — Это Ева, я вам о нем рассказывал.

— Очень приятно, Аня, — протянула она медоеду руку, и тот расплылся в улыбке, как Чеширский кот:

— Взаимно, Аня. Что же вы раньше до нас не доехали? Столько времени мы потеряли...

— Ева, отдай руку Ане, — хмуро скомандовал Виктор, — Аня, вам капучино?

— Да, спасибо, — улыбнулась она.

Я хмуро взирал на происходящее, и подумалось, что мы с Аней здесь практически в одинаковом положении. Эта тройца управляющих тут кого хочешь до инсульта доведет... А Аня... Она вылезла из своего делового костюма и переделалась в спортивный нежно-розового цвета. А вблизи и без каблуков оказалась меньше ростом и... нежнее, что ли? В общем, я залип на ней.

Виктор о чем-то продолжал препираться с Евлампием, а Аня прошла за стол и села недалеко от меня.

— Привет. Вы по-английски говорите, да? — улыбнулась она мягко.

— Да, — ответил я на ее улыбку, смаргивая, и прокашлялся. — Простите за утренний инцидент. Вышло недопонимание...

Она улыбнулась совершенно обезоруживающе:

— Бывает. Вы тут недавно?

— Сегодня первый день.

— А почему решили сюда приехать?

— Я — ученый, хотел попасть на практику к вашей маме, — выдал я заготовленное. — Но вышло то, что вышло. Я тут, и... примите соболезнования.

— Спасибо, — вздохнула она.

На заднем фоне, наконец, поутихли страсти. Евлампий вернулся к своей тарелке, дополнив ее большим куском хлеба. А Виктор в поле моего зрения так и не вернулся, что меня полностью устроило.

— Выходит, у нас с тобой у обоих тут первый день, — заметила Аня тихо, поглядывая на происходившее у стола.

— Выходит, — улыбнулся я. — Честно — я в шоке. А ты?

— И я, — понизила она голос, улыбаясь. — А ты видел кошачьего медведя?

— Мельком.

— Он, кажется, в нашей компании. Его первый день здесь тоже не задался.

— Вот как? Сочувствую ему. Нужно взять его в наш клуб, да...

— Виктор, а вы не придумали, куда поселить кошачьего медведя? — повысила Аня голос, и Виктор, наконец, вторгся в наш угол, ставший непривычно уютным за несколько минут.

Он поставил перед Аней чашку с кофе и перевел на меня выразительный взгляд.

— Придумал. Ему сейчас, судя по всему, очень даже неплохо. Нос влажный, взгляд блестит... — И он посмотрел на Аню. — Он сейчас в уютной, но небольшой комнате, где мы храним обычно сено. Там тепло, веток натащили ему, еды. Умаялся, бедный, спит.

Звучало неплохо, главное, чтобы Аня не пошла проверять. Я бы на ее месте проверил. С такими-то надсмотрщиками.

— А как вы его перевозите? — поинтересовалась она. — Он такой недовольный был...

— Вкусняшки решают, да, Ева? — обратился Виктор к медоеду на русском.

— Не только, — авторитетно отозвался Евлампий, выпячивая грудь. — Меня все слушаются. Харизма. Животные ее чувствуют, прижимают уши и соглашаются на все.

Я мужественно молчал, не понимая причину их веселья. Но безошибочно чувствовал — глумятся.

— Это хорошо, — дипломатично улыбнулась Аня. — Я просто хотела со всеми вами встретиться, и очень удачно, что вы все тут собрались. Хотелось познакомиться. Раз нам ближайшее время тут со всем придется разбираться вместе.

Аня улыбнулась и быстро перевела мне суть своих слов. Я благодарно кивнул.

— Да не с чем тут разбираться, — недовольно нахмурился Евлампий. — Мы просто будем делать свою работу, и о ней можете не переживать. Все животные в порядке. Ну, кроме этого белобрысого пришельца. К нему мы не были готовы. А так — я хоть сейчас готов вам все показать...

— Завтра, думаю, с этого и начнем, — кивнула Аня. — А еще я бы хотела попросить вас подготовить документы на всех животных. Я отправлю их на проверку.

— Это к Вите. Я — мужик дела. В бумажках не разбираюсь.

— К сожалению, бумажной работы в ближайшее время будет много, — возразила она на недовольство Евы.

— Так вы будете все это продавать, да? — уставился он на Аню, и я понял, что он предъявил какую-то претензию, потому что Аня напряглась.

— Я буду искать оптимальное решение для всех нас, — отозвалась она.

— Ну, понятно, — досадливо вздохнул Евлампий. — А что у вас за жизнь-то такая в столице, что вы ни разу тут не показывались?

— Ева, это вообще не твое дело, — вставил недовольно Виктор.

— Все нормально, — улыбнулась Аня. — Мы не ладили с мамой, думаю, это ни для кого тут не секрет. Но это никак не повлияет...

— Это уже влияет, — перебил ее Ева. — Вы не хотите этого всего...

— И это — не наше дело, — снова вставил Виктор.

— Да, вы правы, я ничего в этом не смыслю, — пожала Аня плечами и виновато мне улыбнулась. А следом перевела: — Евлампий расстроен, что я ничего не чувствую к этому месту и хочу передать управление приютом знающим людям.

Я кивнул.

— Акира, а ты теперь что думаешь делать? — поинтересовалась Аня, когда Ева поднялся из-за стола.

— Мне все равно нужно отработать договор, — пожал я плечами. — Поэтому, придется остаться.

Виктор с интересом слушал, делая вид, что занят вазочкой с печеньем.

— Но, ты же не получишь того, за чем прилетел? — переживала Аня.

— Поеду учить русский в языковую школу, — вставил я удачно. — Мы с Виктором уже все обсудили. Да, Виктор? — и я перевел взгляд на него.

Тот кивнул:

— Акире все равно будет у нас чему поучиться. — И он хлопнул меня по плечу. — Правда, приятель?

— Да, — натянуто улыбнулся я, внутренне содрогаясь от воспоминаний о затхлом вольере для крокодила.

— Жаль, что так вышло, — сочувственно улыбнулась Аня.

— У нас говорят — все, что ни делается, то к лучшему, — ободряюще сообщил Виктор.

Михей все это время молча ужинал, временами пялясь в стол. Станный какой-то тип, молчаливый. Но почему-то казалось, что он переживал за все не меньше остальных. Если не больше.

— В общем, не знаю, о чем вы там чирикаете на своем английском, — угрюмо заявил Ева, возвращаясь от посудомойки, — но ясно одно. Продолжаем делать свою работу, как про-

фессионалы. Ви ар профессионалс, Акира. А потому будем действовать по обстоятельствам. Дай хард, да, Акира? Зер гуд!

— Спасибо за кофе, — виновато поблагодарила Аня и поднялась из-за стола. — Увидимся тогда завтра утром.

— Аня, вы можете в любой момент приходить сюда, мало ли — проголодаетесь, — пробубнил вдруг Михей. — Я кекс испек, скоро остынет...

Аня ему обворожительно улыбнулась, а у меня вдруг запершило в горле, и я прокашлялся.

— Кекс он испек, — усмехнулся Евлампий, когда Аня вышла из столовой и удалилась на третий этаж гостиной. — Кажется, из всех нас, Михей, ты добился наибольших успехов... Ай гат ю, бейби, да? Кекса, Акира?

— Кекса? — осторожно повторил я, опасаясь соглашаться.

— Думаю, это именно то, что всех нас спасет в сложившейся ситуации, — недобро скалился Ева.

— Ой, перестань, — недовольно бросил Виктор. — Ешьте кекс молча, а потом, Ева — идешь закрывать территорию и проверять все.

— Я знаю, я это делаю тут каждый день! — выдал недовольное Ева, и в столовой повисла, наконец, тишина. Но ненадолго. — Кабзда нам... Она продаст тут все.

Михей вежливо подтолкнул Еве смартфон с переводчиком.

— Да мы и так нормально друг друга понимаем! — заартачился тот и перевел на меня взгляд. — Говорю, каб-зда! Что тут не понятного?

Но Михей все же перевел. Я вздохнул и пожал плечами. Мне было все равно, что тут у них за... кабзда...

Завтра я сваливаю по своим делам.

Единственное, почему-то стало тоскливо, и я бросил взгляд туда, где сидела Аня. Ей не может быть все равно на такую потерю. И ей по-настоящему больно от того, что приходится распоряжаться этим местом.

— Эй, Акира, — вдруг окликнул меня Ева, — не хочешь со мной обойти территорию? — И он указал на двери, а потом зашевелил пальцами в воздухе. — Свежо там, на луну можно повить...

Я нехотя кивнул и поднялся. Ночь мне нравилась. Зверь у меня ночной, и погулять под звездами я всегда любил. Но здесь — любая инициатива от медоеда казалась обреченной и стопроцентно наказуемой. Свою ошибку я понял сразу, оказавшись на крыльце в своем идиотском тулупе. Ева вышел в одной толстовке и, глубоко вдохнув морозный воздух, одержимо улыбнулся:

— Обожаю этот край! Хотя я и не отсюда. Но мне все равно, где жить... Раньше так было. Но! Я полюбил это место. Хоум свит хоум, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я по-русски.

— Смотри-ка! А ты быстро все схватываешь! Велл дан! — хлопнул он меня по плечу и сбежал со ступенек. — За мной!

Я направился следом, ежась от продиравшего кожу мороза. Скучное освещение территории почти не затмевало звездного неба над головой. Снег бы мелодично хрустел, если бы не шарканье огромных сапог по гладко вылизанной дорожке.

— А ты что в городе-то забыл? Ту зэ сити туморроу? — деловито осведомился медоед.

— Business, family, — ответил я, содрогаюсь внутри от того, как быстро я деградирую тут.

— Семейные дела? — понимающе переспросил он. — А именно? Уат бизнес, мэн?

— Brother.

— Брат? У тебя тут брат?

— Да.

— Ух ты! Вау! И как ему, нравится тут? Лайк ит? Бразер?

Я красноречиво пожал плечами.

— Не общаетесь? — поморщился Ева. — Ноу коннекшн?

Я кивнул.

— Понятно. Сочувствую. Но брата надо найти, конечно. Семья — это важно. Фамили — ванлав.

Тем временем мы миновали вольер с тиграми, потом проведали росомаху, прошли еще несколько огороженных участков, за одним из которых Ева остановился и всмотрелся в опушку леса метрах в пятидесяти. Над лесом было особенно много звезд, и я залюбовался их ярким светом, несмотря на неподходящую атмосферу. Но просто стоять было холодно.

— Тш, — зашипел на меня Ева, когда я заерзал. В окружающей тишине его голос зазвучал непривычно серьезно и решительно: — Знаешь, с тех пор как хозяйка отошла в мир иной, я чую надвигающуюся угрозу каждый день... Денжер, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.